

П. В. Ильин

ФИГУРЫ УМОЛЧАНИЯ И СКРЫТЫЕ СМЫСЛЫ В МЕМУАРНЫХ ТЕКСТАХ (НА ПРИМЕРЕ ЗАПИСОК «УЦЕЛЕВШЕГО ДЕКАБРИСТА» А. Ф. БАГГОВУТА)

doi: 10.30759/1728-9718-2024-3(84)-162-170

УДК 94(47)“18”:930.2 ББК 63.3(2) 521-425.2+63.2(2)

Мемуары генерала Александра Федоровича Багговута (1806–1883), племянника героя Отечественной войны 1812 г. К. Ф. Багговута и ветерана военных кампаний в царствование Николая I, появились на страницах журнала «Русская старина» по воле автора после его смерти, что было обусловлено их содержанием. Начинаются записки с эпизода 14 декабря 1825 г., описание которого содержит признаки умолчаний, преднамеренного сокрытия фактов и обстоятельств, с точки зрения автора, нежелательных для раскрытия. Текст включает в себя слова-сигналы, демонстрирующие отказ мемуариста от описания определенных эпизодов, оценок действующих лиц, автохарактеристик. Вместе с тем А. Ф. Багговут не скрыл факт своего участия в событиях 14 декабря на стороне декабристов, что, учитывая карьеру генерала, делает записки уникальным документом, содержащим признание мемуариста в причастности к антисамодержавному выступлению в день воцарения Николая I. В статье на основе как печатного текста, так и рукописи записок, сохранившейся в архиве «Русской старины», рассматривается важная для источниковедческого анализа мемуаров проблема сокрытия автором неудобных для него, нежелательных (дискредитирующих) обстоятельств, выявляются использованные мемуаристом приемы ухода от оценок действующих лиц и конкретных событий. На примере воспоминаний А. Ф. Багговута показаны способы обозначения фигур умолчания в мемуарах, затрагивавших политически неоднозначные обстоятельства из прошлого их авторов.

Ключевые слова: *мемуары, источниковедческий анализ, фигуры умолчания, политическая история России XIX в., воспоминания декабристов, избежавших наказания, А. Ф. Багговут*

Участники движения декабристов делятся на две основные группы в зависимости от решения их судьбы по итогам судебного-следственного процесса 1825–1826 гг. — на тех, кто был осужден Верховным уголовным судом (в первую очередь именно они традиционно фигурируют в качестве «деятелей декабризма»), и тех, кто не подвергся судебным наказаниям. В число последних входят несколько категорий: административно наказанные, «высочайше прощенные», освобожденные от наказания, «оставленные без внимания» (по формулировке следствия), не привлекавшиеся к следствию, а также те, кто остался правительству неизвестным в качестве участника движения. Многие, кого следует отнести к этим категориям, продолжили служебную карьеру в царствование Николая I, достигнув высоких чинов и должностей к середине XIX в.¹

¹ См.: Ильин П. В. Новое о декабристах. Прощенные, оправданные и необнаруженные следствием участники тайных обществ и военных выступлений 1825–1826 гг. СПб., 2004;

Мемуарные тексты, принадлежащие лицам, избежавшим приговора Верховного уголовного суда, лишь в последнее время стали предметом специального изучения как определенная группа мемуарных источников в контексте декабристского опыта их авторов.² Среди мемуаров, оставленных бывшими участниками декабристского движения, продолжившими свою служебную деятельность, есть как развернутые автобиографические записки, (например, воспоминания С. П. Шипова, Ф. П. Литке, А. С. Гангелова),³ так и небольшие очерки и

Шкерин В. А. Декабристы на государственной службе в эпоху Николая I. Екатеринбург, 2008.

² См.: Ильин П. В., Куликов С. В. С. П. Шипов — государственный и общественный деятель, политический мыслитель и публицист // Шипов С. П. Политические и экономические сочинения. Воспоминания. СПб., 2021. С. 11–96; Ильин П. В. К изучению практики обвинения и стратегий защиты подсудимых на процессе декабристов: В. П. Зубков и его «Рассказ о моем заключении в Санкт-Петербургской крепости» // Путь историка. Сборник статей памяти доктора исторических наук Е. Л. Рудницкой. М., 2022. С. 111–139; Он же. Публикация мемуарного наследия участников декабристского движения: периодизация, некоторые итоги и перспективы // Исторический курьер. 2023. № 2 (28). С. 257–273.

³ См.: Шипов С. П. Воспоминания // Шипов С. П. Политические и экономические сочинения. Воспоминания. СПб., 2021. С. 570–652; Литке Ф. П. Семейные записки // Безобразов В. П. Граф Ф. П. Литке. СПб., 1888. С. 1–134 (2-я pag.); Гангелов А. С. Воспоминания декабриста. М., 1888.

рассказы, посвященные отдельным эпизодам из биографии авторов (мемуары Ф. Н. Глинки, В. П. Зубкова, А. А. Суворова).⁴ К числу мемуаристов, участников гвардейского заговора и выступления 14 декабря 1825 г., избежавших репрессий, относится и А. Ф. Багговут.

Александр Федорович Багговут (1806–1883) происходил из древнего рода норвежских дворян Багг (или Багге, впоследствии фамилия выросла до «Багтехуфвудт», в русском варианте преобразована в «Багговут»), переселившихся в XVI в. в Швецию, а спустя век — в Эстляндию.⁵ Он приходится племянником самому известному из Багговутов — генерал-лейтенанту Карлу Федоровичу, прославившемуся своей храбростью в сражениях наполеоновских войн и Отечественной войны 1812 г., погибшему от неприятельского ядра в бою при Тарутино.⁶ Александр был сыном боевого офицера Федора Федоровича Багговута, участника штурма Очакова (1788), поступившего на гражданскую службу, в начале XIX в. занимавшего пост начальника Либавской таможни и скончавшегося, когда Александру было три года.⁷ А. Ф. Багговут получил образование в 1-м кадетском корпусе; в марте 1825 г., после выпуска из корпуса, 19-летний прапорщик был зачислен в лейб-гвардии Московский полк.⁸

Причастность А. Ф. Багговута к декабристскому обществу не отражена в итоговом документе следствия — «Алфавите членам бывших злоумышленных тайных обществ...», составленном делопроизводителем Следственного комитета А. Д. Боровковым, поскольку имя этого офицера не было названо в показаниях на главном следственном процессе, не попал он и в биографический справочник «Декабристы» (1988), отражающий результаты доследственного и советского этапов историографии. Участие Багговута в заговоре и обусловленные

этим действия 14 декабря известны благодаря его собственным мемуарным запискам и рассказам М. А. Бестужева (штабс-капитана и ротного командира Московского полка).

Багговут привлекался к следствию в Московском полку, материалы которого почти не сохранились (отдельные следственные показания были опубликованы полковым историком Н. С. Пестриковым⁹), но главной следственной комиссией он не был замечен. В 1826 г. в рядах лейб-гвардии Сводного полка, в составе «провинившейся» части Московского полка, офицер был отправлен на Кавказ, принял участие в русско-персидской войне 1826–1828 гг. Вернувшись в Петербург, вскоре стал участником польской кампании 1830–1831 гг., в ходе которой в сражении при Грохове получил тяжелое ранение в голову, после проведенной без наркоза сложнейшей операции по извлечению пули из головы находился несколько недель на грани смерти, чудом остался жив, вернулся на военную службу.¹⁰ Дальнейшая его карьера была вполне успешной: с 1831 г. Багговут служил в гвардейской конной артиллерии, в 1833 г. был произведен в полковники, с 1841 г. командовал Украинским уланским полком, в 1843 г. стал генерал-майором, принял участие в венгерском походе 1849 г., с 1852 г. состоял по кавалерии при штабе Кавказского корпуса, был участником экспедиций против горцев и Крымской войны на Кавказе, заслужил репутацию «героя» этой войны: будучи командующим кавалерией Кавказского корпуса, участвовал в сражениях при Башкадык-ларе и Курюк-дара, в обоих случаях кавалерия Багговута решала исход сражений в пользу русской армии. В 1853 г. за отличие произведен в генерал-лейтенанты, принял участие в подавлении польского восстания 1863 г., затем был переведен в запасные войска, с 1871 г., имея чин генерала от кавалерии, состоял членом Капитула орденов.¹¹

Принадлежность Багговута к декабристскому заговору упоминается в единичных работах исследователей, изучавших выступление на Сенатской площади, — книге Я. А. Гордина «Мятеж реформаторов: 14 декабря 1825 года»

⁴ См.: Глинка Ф. Н. К. Ф. Рылеев // Русская старина. 1871. Т. 3, № 2. С. 245, 246; Зубков В. П. Записки о заключении в Петропавловской крепости по делу 14 декабря 1825 г. СПб., 1906; Суворов А. А. Лейб-гвардии Конный полк 14 декабря 1825 года // Русская старина. 1881. Т. 30, № 1. С. 205–210.

⁵ О роде Багговутов см.: Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб., 1889. Т. 1. С. 89–92.

⁶ О К. Ф. Багговуте см.: Словарь русских генералов, участников боевых действий против армии Наполеона Бонапарта в 1812–1815 гг. // Российский архив. М., 1996. Т. 7. С. 302.

⁷ См.: Deutschbaltisches biographisches Lexikon. 1790–1860. Leipzig, 1970. S. 24, 25.

⁸ Об А. Ф. Багговуте см.: Русский биографический словарь. Т. 2. С. 389, 390; Военная энциклопедия. СПб., 1911. Т. 4. С. 324; Генерал-лейтенант А. Ф. Багговут // Сборник известий, относящихся до настоящей войны. СПб., 1854. Кн. 4. С. 115–138.

⁹ См.: Пестриков Н. С. История л.-гв. Московского полка. СПб., 1904. Т. 2. Гл. 1–3.

¹⁰ См.: Генерал-лейтенант А. Ф. Багговут. С. 119–22; ср. записки А. Ф. Багговута: Русская старина. 1883. Т. 40, № 10. С. 130–136.

¹¹ См.: Генерал-лейтенант А. Ф. Багговут. С. 122–138; Военная энциклопедия. Т. 4. С. 324.

и наших исследованиях.¹² Специального внимания историков его участие в декабристском движении не привлекало.

Багговут оставил воспоминания, которые представляют собой несколько мемуарных очерков, освещающих отдельные эпизоды жизни автора: 14 декабря 1825 г., события русско-персидской войны 1826–1828 гг. и польской кампании 1830–1831 гг. Очевидно, эти жизненные вехи мемуарист считал наиболее важными, достойными описания в записках. Опубликованы они были по воле автора спустя пять месяцев после его смерти — в октябре 1883 г. в известном журнале «Русская старина».¹³ Публикация подготовлена публицистом и журналистом Г. К. Градовским, издавшим шесть лет спустя на страницах журнала биографический очерк о Багговуте.¹⁴ Переиздавались записки (точнее, их часть, посвященная 14 декабря) только один раз — нами, в составе свода мемуаров о выступлении на Сенатской площади.¹⁵

Рукопись записок сохранилась в архиве «Русской старины».¹⁶ Она представляет собой автограф с авторскими исправлениями и вставками как в самом тексте, так и на полях, а также небольшой редакторской правкой и пометами. Согласно указаниям публикатора, а также имеющимся в тексте хронологическим указаниям, они в основном были написаны вскоре после описываемых в них событий, в 1828–1830 гг., а затем дополнялись и редактировались в 1856–1858 гг.¹⁷

На каком основании можно поместить Багговута в категорию участников заговора 1825 г., избежавших привлечения к суду и наказания? Как уже отмечалось, об этом говорят как его собственное мемуарное свидетельство (оно будет разобрано далее), так и рассказы товарища Багговута по Московскому полку, известного декабриста и мемуариста М. А. Бестужева.

Рассказы Михаила Бестужева были записаны будущим редактором-издателем журнала «Русская старина», историком и литературоведом М. И. Семевским в июне и июле 1869 г. Первая запись устных рассказов Бестужева

о Багговуте гласит: «[Великий князь] Михаил Павлович привез Багговута на завтра из 1 кадетского корпуса с экзамена. Как он мог увлечься, так я спас его только арестацией». Несколько смутная, не вполне ясная (благодаря особенностям живой разговорной речи), лаконичная запись сообщает о двух эпизодах: выпуске Багговута из 1-го кадетского корпуса весной 1825 г. и событиях в канун 14 декабря, когда Бестужев удержал молодого офицера от некоего «увлечения». Вторая запись развивает сообщение первой, делая его более понятным: «Багговут прапорщик, [великий князь] М[ихаил] П[авлович] сдал его мне — “Возьми, Бестужев, будь отцом!”. 14 числа рвался со мной. Я знал, что нас возьмут — дело не неожиданно было бы. “Останься, не участвуй, я сказал, чтобы ты не шел, нам нужны солдаты!”. Подозвал фельдфебеля — “Прапорщик, вашу шпагу!” — домашним арестом арестовал его. Будь он с нами, погиб бы».¹⁸ Вторая запись подтверждает первую, структурно ее повторяя (соединены указания, касающиеся двух эпизодов 1825 г.): вновь говорится об «аресте» Багговута, который «рвался» принять участие в выступлении на стороне заговорщиков, о чем свидетельствует одно из главных действующих лиц в Московском полку. К сожалению, рассказы Бестужева не содержат данных о том, чем руководствовался молодой офицер — желанием сохранить верность присяге Константину и противодействовать узурпации власти со стороны Николая I или же открытыми ему политическими целями (изменение политического устройства). Из приведенных рассказов видно, что Багговут не принял прямого участия в выступлении на Сенатской площади, в том числе по требованию одного из активных заговорщиков в Московском полку М. А. Бестужева. Тем не менее рассказы этого декабриста документируют участие юного офицера в заговоре, его согласие и горячее желание принять участие в выступлении.

Приступим к анализу мемуарного свидетельства самого Багговута. Первое, что обращает на себя внимание: данная часть записок отличается особой лаконичностью, небольшим количеством описываемых подробностей, сдержанностью тона описания, постоянными умолчаниями. Это говорит о целеполагании мемуариста — составить сухое и краткое хронологическое описание событий,

¹² См.: Гордин Я. А. Мятеж реформаторов. 14 декабря 1825 года. Л., 1989. С. 199; Ильин П. В. Новое о декабристах. С. 443–446.

¹³ См.: Багговут А. Ф. Записки // Русская старина. 1883. Т. 40, № 10. С. 114–136.

¹⁴ См.: Градовский Г. К. А. Ф. Багговут. Очерк жизни его с 1831 по 1883 г. // Русская старина. 1889. Т. 63, № 8. С. 241–264.

¹⁵ См.: 14 декабря 1825 года. Воспоминания очевидцев. СПб., 1999. С. 318–320.

¹⁶ См.: РО ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. № 98. Л. 2–3.

¹⁷ См.: Русская старина. 1883. Т. 40, № 10. С. 111 (сообщение А. Ф. Багговута), 115 (хронологическое указание о генеральском чине А. Д. Неелова).

¹⁸ Воспоминания Бестужевых. СПб., 2005. С. 390, 398.

связанных с вступлением на трон Николая I, хотя вполне очевидно, что в этот день произошло множество эпизодов, в которые был вовлечен прапорщик Московского полка (по утверждению Бестужева, вплоть до «домашнего ареста», о котором ни слова не говорится в записках Багговута¹⁹). Можно с уверенностью заключить: автор не спешит знакомить читателя со всеми известными ему подробностями дня.

Далее мы приводим опубликованный текст записок Багговута, при этом даются все значимые отличия, которые содержит рукопись. Следует оговорить, что существенно важных разночтений или значительных фрагментов, которые не вошли в печатный текст, рукопись записок не содержит.

Первый интересующий нас фрагмент записок передает сведения об агитации декабристов: «[14 декабря] получил словесное приказание от командира 1 батальона 3 роты капитана Бестужева, одного из главных заговорщиков 14 декабря,²⁰ что по случаю ожидания в столицу из Варшавы государя Константина Павловича... быть крайне осторожным, в приказании было подтверждено, что великий князь Николай Павлович замышляет против законного монарха. Мраморный дворец всякий вечер освещен, фельдъегеря, курьеры летают из Петербурга в Варшаву и обратно; надобно быть осторожным, исполнять свои обязанности, в случае каких-либо переворотов оставаться верным своему знамени, царю и отечеству. "Вы, Багговут, молодой юноша; покажите себя достойным быть гвардейским офицером". Точные слова²¹ и наставление дежурного по караулам 4 отделения».²²

Перед нами — образец агитации участника декабристского общества, направленной на солдат и офицеров, не вовлеченных в ядро заговора, цель которой — привлечение на свою сторону новых adeptов. В основе агитации — лозунг сохранения верности принесенной присяге Константину; этот лозунг стал побудительным мотивом к выступлению гвардейских частей. В данном случае он сопровождается другим побуждающим к активным действиям сообщением: о том, что великий князь Николай действует противозаконно против нового императора, которому недавно присягали, вы-

ступая в роли узурпатора законных прав Константина на престол.

Начиная рассказ о событиях 14 декабря, Багговут приводит вполне легитимное по своему содержанию обоснование действий заговорщиков-декабристов, как бы показывая, что в сложившихся условиях их побудительные мотивы могли быть расценены как приверженность присяге и сопротивление узурпации престола. Удостоверяя точность слов Бестужева, автор акцентирует внимание на том, что 14 декабря находился в его подчинении — как офицера, стоявшего во главе караулов Московского полка, — и был обязан следовать его приказаниям. Подчиненность старшему офицеру и убедительность его агитации (легитимная защита первой присяги) создают почву для оправдания действий мемуариста. Вставка на полях, поясняющая принадлежность Бестужева к числу «главных заговорщиков», имеет, по-видимому, поздний характер; она по-иному расставляет акценты в рассказе Багговута, указывая на то, что речь идет об антиправительственном заговоре.

Следующий фрагмент записок: «В полночь дежурный по караулам поверил расход часовых, зашел в караульный дом, просил дать стакан чаю и, закулив сигару, с подробностями стал передавать мне интриги²³ великого князя противу Константина Павловича».

Багговут вторично приводит указание на декабристскую агитацию, повторяя прием вовлечения в заговор, применявшийся Бестужевым — ссылку на противодействие Константину со стороны Николая. Это указание говорит о том, что беседа Бестужева с Багговутом не была единичной, тем самым обнаруживая неслучайность обращения лидера заговорщиков в Московском полку к автору записок. Сообщение о «подробностях», которыми сопровождался рассказ об «интригах» Николая, к сожалению, не содержит самих этих «подробностей».

Следующий фрагмент: «Мне было тогда 18 лет; воспитанный в кадетском корпусе, со дня производства в офицеры²⁴ жил²⁵ на Васильевском острове совместно с матерью моей, женщиною с ограниченным состоянием, и потому круг ее и моих знакомых был чрезвычайно мал. В полк являлся только на

¹⁹ См. об этом примечание 27.

²⁰ Слова, ограниченные запятыми, — вставка автора на полях рукописи.

²¹ В рукописи: Таковы были точные слова.

²² То есть М. А. Бестужева. Здесь и далее: Русская старина. 1883. Т. 40, № 10. С. 114, 115.

²³ В рукописи: интригу.

²⁴ Слова «со дня производства в офицеры» — вставка автора в рукописи.

²⁵ В рукописи: жительство имел.

службу. Был чужд всяким городским толкам, которые переходили с разными толкованиями²⁶ из уст в уста петербургской публики. По этим обстоятельствам наставление капитана Бестужева произвело немалый хаос в молодой моей голове».

Здесь обнаруживаются важнейшие элементы «обоснования» или «оправдания», почему мемуарист выступил на стороне заговорщиков. К неоднократным «наставлениям» старшего по чину и должности офицера Бестужева и легитимному характеру агитации присоединяются еще две причины или «оправдания»: молодость Багговута (18 лет) и узкий круг его знакомств в Петербурге и в полку, из чего следует слабая осведомленность молодого офицера об общественно-политической ситуации. Перед нами, несомненно, объяснение автора записок, касающееся его поступков 14 декабря. Здесь же Багговут практически признает, что агитация Бестужева возымела свое действие: мемуарист был готов принять участие в выступлении на стороне заговорщиков.

Далее автор переходит к рассказу о самих событиях: *«На следующее утро 13 декабря 1825 г., вышед на платформу моего караула, увидел полкового адъютанта л.-гв. Семеновского полка верхом, в полной парадной форме, послал вестового в полковую канцелярию узнать, какой праздник? Посланный, вернувшись, объявил, что полк выходит из казарм, чтобы присягать государю Николаю Павловичу. Спустя несколько времени стремглав прискакал в санях поручик Неелов, брат моего батальонного командира полковника Неелова, с приказанием никому не присягать, никаких приказаний не исполнять, кроме приказаний за подписями полковника А. Д. Неелова, ныне генерал от инфантерии, и как капитаном князем Щепиным-Ростовским были ранены генерал Шенин и полковой командир Фридрикс, равно полковник Хвоцинский, то Неелов, как старший в полку, рассылал приказания молодым, в карауле стоящим офицерам²⁸».*

²⁶ Слова «с разными толкованиями» — вставка автора в рукописи.

²⁷ Распоряжение о «домашнем аресте» Багговута, о котором говорится в рассказах М. А. Бестужева, не противоречит изложению в анализируемых записках. Как можно полагать, приказание Бестужева было «снято» служебной необходимостью: «арестованный» Багговут должен был возглавить караул, находившийся в казармах Семеновского полка. Это распоряжение не являлось официальным арестом, санкционированным приказом полкового начальства.

²⁸ Далее знак сноски, но текста сноски нет.

В контексте сложившейся ситуации, когда, начиная с утра 14 декабря, полки присягали Николаю I, приказание «никому не присягать, никаких приказаний не исполнять» нельзя расценить иначе, как сопротивление распоряжениям военного начальства. Подобные приказания отдавались офицерами-декабристами, чтобы воспрепятствовать проведению присяги. Полковник А. Д. Неелов присутствует в «Алфавите...» А. Д. Боровкова благодаря показаниям Д. А. Щепина-Ростовского: Неелов не состоял членом тайного общества, но 14 декабря сомневался в законности «второй присяги», заявляя о готовности защищать права на престол Константина; к следствию и ответственности не привлекался.²⁹ Можно полагать, что он поддавался пропаганде заговорщиков и поддерживал их намерения. Записки Багговута — свидетельство того, что полковник А. Д. Неелов и его младший брат поручик Н. Д. Неелов некоторое время действовали как участники декабристского заговора, запрещая присягать Николаю I подчиненным им солдатам и офицерам.³⁰

Следующая фраза касается действий Багговута: 14 декабря он возглавлял караул Московского полка, стоявший в казармах старейшей гвардейской части — Семеновского полка: *«Семеновский полк принял присягу пред моим караулом. Предложение командира Шипова принять присягу я отверг. К 12 часам прибыл ко мне со священником плац-майор полковник Болдырев; все его старания, даже угрозы принять присягу были тщетны. Солдаты мои повиновались мне».*

Багговут фиксирует, без всяких оценочных суждений и пояснений, факт собственного участия в событиях на стороне заговорщиков, поскольку признается в том, что длительное время не присягал Николаю I вместе с подчиненными солдатами, несмотря на уговоры и угрозы военного начальства, следуя, очевидно, «наставлениям» М. А. Бестужева.

Далее описывается исход событий: *«К 2-м часам прибыла фуриштатская команда с плац-адъютантом сменить меня и с запискою от Неелова смениться с караула и прибыть в полк.³¹ Прибыв в полк, в полковой церкви присягал с разными командами, которых приказано было присоединить к полку на Петровской*

²⁹ Об А. Д. Неелове см.: Декабристы. Биографический справочник. М., 1988. С. 292.

³⁰ Эти сведения не учтены в декабристоведческой историографии.

³¹ Слова, следующие после «сменить меня», — вставка автора в рукописи.

площади подле строящегося Исаковского собора. С этой командой прибыл в то время, когда генерал Орлов³² с Конным полком атаковал каре бунтующих».

В данном случае Багговут описывает события, которые спасли его от репрессий: вместе с возглавляемым караулом он присягнул Николаю I после возвращения в казармы своего полка, а затем оказался на Сенатской площади в составе той части Московского полка, которая находилась на правительственной стороне.³³ Вероятно, именно это обстоятельство уберегло Багговута от наказания.

Следующий фрагмент особенно примечателен для нас и интересен: «Что было, то прошло; описывать подробно³⁴ происшествие этого дня не берусь, хотя, как очевидец и отчасти участник, много видел и слышал».

Мемуарист декларирует отказ от подробного освещения 14 декабря и последующих дней, подчеркивая, что о многом знал и многое видел, как очевидец и непосредственный участник событий. Это показывает, что существует некий «слой информации», который автор записок не хочет или не может отразить в своем тексте. Конкретное обоснование такой позиции не приводится. Первая фраза: «Что было, то прошло,» — подчеркивает, на наш взгляд, понимание автором своей уязвимости, «криминальности», с официальной (правительственной) точки зрения, своих действий в день 14 декабря — как лица, противившегося присяге. Редакторская вставка (слово «подробно») акцентирует внимание на том, что Багговут, представляя читателю лаконичное, краткое изложение событий, не может или не хочет приводить подробности, излагать ставшие ему известными детали и обстоятельства, связанные в том числе с действиями и словами декабристов-заговорщиков.

Последний фрагмент записок, относящийся к событиям 14 декабря: «На другой день утром после уборки тел, отчистки крови молодой император Николай I благодарил верных за верность, пропустил гвардию церемониальным маршем. Полки вошли в казармы, строгость была как в военное время. Допросы, запросы, очные ставки между офицерами, которые дежурили поротно,

не выходя из казарм; были разные экзекуции и т. п.³⁵».

В этих фразах ощущается негативный подтекст упоминаний Николая I: указание на «уборку тел», «отчистку крови» погибших, благодарность монарха, адресованная «верным за верность» — к ним Багговут мог отнести себя лишь условно, после принесенной им присяги во второй половине дня. Упоминается полковое расследование, проведенное в Московском полку, к которому Багговут, как и другие участники к заговору офицеры,³⁶ привлекался (правда, без особых для себя последствий). Фрагмент, зачеркнутый автором в рукописи, показывает некоторые сложности, с которыми сталкивался мемуарист при их подготовке к печати. Возможно, он не хотел оглашать сведения, связанные с последствиями совершенных им 14 декабря поступков, отраженных в материалах полкового расследования.

Таким образом, записки Багговута содержат ценные для исследователя события 14 декабря и декабристского заговора сведения. Автор сообщает не только о действиях М. А. Бестужева в канун 14 декабря, но и о поступках А. Д. и Н. Д. Нееловых, судя по всему, примкнувших к заговору. Но самое главное: Багговут не скрыл принципиально важный момент — собственное согласие действовать на стороне заговорщиков и свой отказ от присяги утром 14 декабря. Неоднократно отказываясь подчиниться приказаниям принести присягу, Багговут ставил возглавляемый им караул в положение, одинаковое с вышедшими на Сенатскую площадь восставшими частями.

Возникает вопрос: почему Багговута не привлекли к ответственности? Основная причина — это, разумеется, молчание ключевого «свидетеля» из числа заговорщиков М. А. Бестужева на главном следственном процессе.³⁷ Другими причинами следует признать: неразбериху в распоряжениях начальственных лиц, царившую в день 14 декабря, которая в значительной

³² На полях против фамилии авторская помета: «Прочсть Восшествие на престол императора Николая I».

³³ См.: Пестриков Н. С. Указ. соч. С. 40, 41.

³⁴ Это слово — вставка в тексте карандашом редактора или публикатора.

³⁵ Последние две фразы зачеркнуты мемуаристом в рукописи, однако опубликованы в журнале «Русская старина».

³⁶ Речь идет об участниках заговора — офицерах Московского полка А. А. Бекетове, А. А. Брое, В. Ф. Волкове, А. А. Корнилове, М. Ф. Кудашеве, А. С. Кушелеве, П. И. Цицианове и прикомандированном к полку офицере Учебного карабинерного полка С. Н. Лашкевиче (Восстание декабристов. Документы. М., 1986. Т. 16. С. 300–307; Ильин П. В. Новое о декабристах. С. 104–107, 435, 436).

³⁷ Как вспоминал М. А. Бестужев, на следствии он умолчал об участии в заговоре ряда ротных командиров Московского полка (мемуарист не назвал имен офицеров), иначе, по его словам, они отправились бы в Сибирь (Воспоминания Бестужевых. С. 398).

степени скрыла от их внимания временное неподчинение караула во главе с Багговутом; сравнительно незначительную роль в событиях караула, находившегося в одном из многочисленных «казарменных комплексов»; а также снисходительное отношение начальства к 19-летнему прапорщику. Весьма значимым в этом контексте видится еще один факт — то, что присяга караула (и самого Багговута) все же состоялась. Не исключено, что во время полкового расследования свою роль сыграла позиция старших офицеров Московского полка, того же полковника А. Д. Неелова, не желавших увеличивать число виновных и оберегавших молодого прапорщика. К тому же Багговут был в их подчинении и знал многое о действиях этих офицеров 14 декабря. Наконец, особую роль могла сыграть близость ко двору родственников Багговута: мы имеем в виду влиятельный при дворе клан Багговутов-Адлербергов-Барановых, во главе с родной тетей мемуариста, начальницей Смольного института, бывшей воспитательницей императора Николая I Ю. Ф. Адлерберг (урожденной Багговут) и ее дочь — двоюродной сестрой А. Ф. Багговута, воспитательницей детей Николая I Ю. Ф. Барановой (урожденной Адлерберг).³⁸

Какие выводы можно сделать, исходя из анализа мемуарного источника?

Главное, что нужно отметить, — это то, что автор воспоминаний не скрыл факт своего участия в событиях на стороне заговора. Возможно, именно с этим связано то обстоятельство, что публикация состоялась только после смерти автора. Эпоха, когда Багговут завершал работу над записками и готовил их к будущей публикации (вторая половина 1850-х гг. и, возможно, 1860-е гг.), уже позволяла оглашать факт своей причастности к «возмущению», состоявшемуся при воцарении Николая I, без особых последствий для судьбы и репутации, но полное открытие деталей и мотивов участия в антиправительственном заговоре продолжалось и в этот исторический период сохранять свое дискредитирующее значение.

Участие Багговута в событиях 14 декабря на стороне восставших наложило отпечаток на его воспоминания. Текст записок полон недомолвок и двусмысленных намеков, мемуарист

не описывает подробно свои действия, взгляды, намерения, уклоняется от личных оценок, автохарактеристик, многозначительно умалчивает о том, что ему было известно, — особенно о словах и действиях заговорщиков. Примечательно, что записки Багговута практически не содержат официальных оценок событий или их участников, более того — включают в себя упоминания о Николае I, которые наделены отчетливым негативным подтекстом.

При написании записок мемуарист использовал приемы умолчания и сокрытия определенного слоя информации. Можно выделить основные стилистические приемы автора воспоминаний, которые позволили ему уйти от содержательного описания событий и скрыть часть известных ему сведений.

Первый стилистический прием Багговута-мемуариста — сдержанность, сухая лаконичность рассказа, отсутствие детализации, отказ мемуариста от автохарактеристик, оценок действующих лиц, описания эпизодов и происшествий 14 декабря; рассказ представляет собой простую хронику со скухими деталями. Автор использует и другой стилистический прием: он передает лишь общий ход событий, обозначая поступки действующих лиц, но не углубляется в подробности, как бы обрывает свой рассказ, не раскрывая те или иные эпизоды, действия упоминаемых лиц. Третий стилистический прием заключается в применении фраз и отдельных слов, обозначающих сокрытие части известных мемуаристу сведений. Текст записок содержит фразы и слова, демонстрирующие намеренный отказ автора от раскрытия тех или иных сведений.³⁹

Отказ от подробного описания событий сопровождается применением особых слов-сигналов, акцентирующих внимание читателя на факте сокрытия мемуаристом части информации. В результате мы наблюдаем двойственность приемов, использованных автором мемуарного текста, избегающим «лишних» подробностей и оценок, но откровенно в этом признающимся. Багговут не просто умалчивает, что знал о подоплеке и драматических обстоятельствах событий 14 декабря, но заявляет, что часть известных ему данных он не может раскрыть. В тексте записок фиксируется факт умолчаний, намеренного сокрытия информации от читателя, подчеркивающий осведом-

³⁸ См.: Военная энциклопедия. СПб., 1911. Т. 1. С. 143, 144; Шилов Д. Н. Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений. Биобиблиографический справочник. СПб., 2001. С. 37, 59; Сиятельные жены: биографии и родовая статс-дам и фрейлин русского двора. По спискам П. Ф. Карабанова. СПб., 1992. С. 33, 34, 38.

³⁹ Помимо этого, следует упомянуть указанные нами ранее смысловые элементы мемуарного рассказа, направленные на оправдание действий мемуариста в день восстания.

ленность мемуариста о многих эпизодах произошедших событий («описывать подробно происшествие этого дня не берусь, хотя, как очевидец и отчасти участник, много видел и слышал»).

Указанные приемы построения текста приводят нас к фигурам умолчания, которые содержат записки Багговута и которые стали главным предметом сокрытия. Несомненно, к фигурам умолчания следует отнести: содержание агитации Бестужева в канун 14 декабря, собственное намерение мемуариста принять участие в выступлении гвардейских полков, известное из рассказов Бестужева, и его причины, отношения с другими офицерами — участниками заговора в Московском полку и, наконец, обстоятельства полкового расследования.

Итак, следует резюмировать двойственность позиции мемуариста: с одной стороны, налицо отказ от описания многих известных ему обстоятельств (содержание агитации Бестужева, события в полку, полковое следствие), раскрытия слоя информации, которая может повредить репутации автора, дискредитировать его; с другой стороны, в тексте отражено участие автора в событиях на стороне заговорщиков.

Подводя итог, нужно отметить, что записки Багговута являются уникальным мемуарным источником, вышедшим из декабристской среды. Они выделяются в ряду воспоминаний, принадлежащих тем, кто избежал привлечения к суду, как единственное в своем роде свидетельство собственного участия в событиях 14 декабря на стороне заговорщиков.⁴⁰ Мемуарные тексты, написанные в николаевское царствование, содержат отрицание причастности авторов к политическому движению

предшествующей эпохи, их авторы декларируют лишь служебные и дружеские отношения с его репрессированными участниками. Поздние мемуары, появившиеся в эпоху 1860–1870-х гг., отражают более сложную ситуацию: бывшие товарищи, подвергнутые суду, их политические намерения обретают положительный контекст, становится возможным признание своего единомыслия с репрессированными декабристами, принадлежности к их близкому окружению, признание факта привлечения к процессу по обвинению в «государственном преступлении». Но вместе с тем практически у всех мемуаристов сохраняется стремление скрыть собственное участие в тайных обществах 1816–1825 гг., заговоре и выступлении 14 декабря. Записки Багговута видятся в этом отношении несомненным исключением.

Воспоминания А. Ф. Багговута скрывают часть информации, но, в отличие от текстов других мемуаристов этого ряда, просто молчавших о своем участии в декабристском движении, содержат слова-сигналы, обозначающие фигуры умолчания, не раскрываемый мемуаристом слой данных, включающий в себя сведения, которые автор не считал возможным разглашать даже после амнистии декабристов, в эпоху «гласности» конца 1850–1860-х гг. (когда завершалась работа Багговута над записками). Очевидно, появление столь своеобразного мемуарного текста было обусловлено желанием автора осветить свою роль в событиях 14 декабря 1825 г., рассказать о собственных действиях в этот день, показать осведомленность о многих обстоятельствах того времени, но при этом не раскрывать сведения, сохраняющие свой дискредитирующий потенциал спустя более чем 30 лет.

Pavel V. Ilyin

Candidate of Historical Sciences, Saint Petersburg Institute of History of the RAS (Russia, Saint Petersburg)

E-mail: pavilyn1970@gmail.com

APOSIOPESIS AND HIDDEN MEANINGS IN MEMOIR TEXTS (ON THE EXAMPLE OF THE MEMOIRS OF THE “SURVIVING DECEMBRIST” A. F. BAGGOVUT)

The memoirs of General Alexander Fedorovich Baggovut (1806–1883), a nephew of the hero of the Patriotic War of 1812 K. F. Baggovut and a veteran of military campaigns during the reign of Nicholas I, appeared on the pages of the “Russkaia Starina” journal by the will of the author after his death. The memoir notes begin with the episode of December 14, 1825, the description

⁴⁰ Ввиду ограниченности объема статьи у нас нет возможности затронуть вопрос о принципах освещения своего «декабристского прошлого», свойственных другим мемуаристам, избежавшим суда и наказания. Этому вопросу будет посвящена отдельная статья; здесь приводятся лишь резюмирующие наблюдения.

of which contains signs of omissions, deliberate concealment of facts and circumstances, from the author's point of view, undesirable for revealing. The text includes signal words demonstrating the memoirist's abandonment of description of certain episodes, assessments of actors, and auto-characteristics. At the same time, A. F. Baggovut did not hide the fact of his participation in the events of December 14 on the side of the Decembrist conspirators, which, given the career of the General, makes his notes a unique document containing the memoirist's confession of involvement in the anti-autocratic action on the day of the accession of Nicholas I. The article, based on both the published text and the manuscript of the memoirs preserved in the archive of "Russkaia Starina", analyzes the problem of the author's concealment of inconvenient, undesirable (discreditable) facts and circumstances, which is important for the source analysis of memoirs; it also examines the methods used by the memoirist to avoid assessments of actors and events. Using the example of A. F. Baggovut's memoirs, the article shows the ways of designating aposiopesis in memoir texts that touch upon politically acute circumstances from the past of their authors.

Keywords: *memoirs, source analysis, aposiopesis, political history of Russia in the 19th century, memoirs of the Decembrists who escaped punishment, A. F. Baggovut*

REFERENCES

- Gordin Y. A. *Myatezh reformatorov. 14 dekabrya 1825 goda* [Revolt of the Reformers. December 14, 1825]. Leningrad: Lenizdat Publ., 1989. (in Russ.).
- Ilyin P. V. *Novoye o dekabristakh. Proshchennyye, opravdannyye i neobnaruzhennyye sledstviyem uchastniki taynykh obshchestv i voyennykh vystupleniy 1825–1826 gg.* [New about the Decembrists. Pardoned, Acquitted and Undetected Participants in Secret Societies and Military Uprisings of 1825–1826]. Saint Petersburg: Nestor-Istoria Publ., 2004. (in Russ.).
- Ilyin P. V. [To the Study of the Practice of Prosecution and Defense Strategies of Those under Investigation at the Decembrist Trial: V. P. Zubkov and His "Story of My Imprisonment in the St. Petersburg Fortress"]. *Put' istorika. Sbornik statey pamyati doktora istoricheskikh nauk E. L. Rudnitskoy* [The Path of a Historian. Collection of Articles in Memory of Doctor of Historical Sciences E. L. Rudnitskaya]. Moscow: In-t ross. istorii RAN Publ., 2022, pp. 111–139. (in Russ.).
- Ilyin P. V. [Publication of the Memoir Heritage of Participants of the Decembrists Movement: Periodization, Some Results and Perspectives]. *Istoricheskiy kur'yer* [Historical Courier], 2023, no. 2 (28), pp. 257–273. DOI: 10.31518/2618-9100-2023-2-21 (in Russ.).
- Ilyin P. V., Kulikov S. V. [S. P. Shipov — Statesman and Public Figure, Political Thinker and Publicist]. *Shipov S. P. Politicheskiye i ekonomicheskkiye sochineniya. Vospominaniya* [Shipov S. P. Political and Economic Writings. Memories]. Saint Petersburg: Rostok Publ., 2021, pp. 11–96. (in Russ.).
- Shkerin V. A. *Dekabristy na gosudarstvennoy sluzhbe v epokhu Nikolaya I* [Decembrists in Public Service in the Era of Nicholas I]. Ekaterinburg: UrO RAN Publ., 2008. (in Russ.).

Для цитирования: Ильин П. В. Фигуры умолчания и скрытые смыслы в мемуарных текстах (на примере записок «ущелешего декабриста» А. Ф. Багговута) // Уральский исторический вестник. 2024. № 3 (84). С. 162–170. DOI: 10.30759/1728-9718-2024-3 (84)-162-170.

For citation: Ilyin P. V. Aposiopesis and Hidden Meanings in Memoir Texts (On the Example of the Memoirs of the "Surviving Decembrist" A. F. Baggovut) // Ural Historical Journal, 2024, no. 3 (84), pp. 162–170. DOI: 10.30759/1728-9718-2024-3 (84)-162-170.